

12+

Николай Вагнер
СКАЗКИ
Кота-Мурлыки

С ПЕРЕВОДОМ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Николай Вагнер

Сказки Кота-Мурлыки
(с переводом на английский язык)

«Издательские решения»

Вагнер Н.

Сказки Кота-Мурлыки (с переводом на английский язык) /
Н. Вагнер — «Издательские решения»,

Избранные сказки русского писателя, философа и зоолога Николая Петровича Вагнера (1829—1907) с переводом на английский язык. Творчество Н. П. Вагнера является органической частью истории русской литературы и культуры второй половины XIX века. В составе «Сказок Кота-Мурлыки» можно выделить философские, фантастические, юмористические и назидательные сюжеты. Книга будет интересна всем любителям сказок и изучающим английский язык.

© Вагнер Н.

© Издательские решения

Содержание

Котя	7
Kitty	9
Клёст (отрывок из сказки)	11
Crossbill (excerpt from a fairy tale)	14
Чудный мальчик	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сказки Кота-Мурлыки (с переводом на английский язык)

Николай Вагнер

Переводчик Даниил Катков

© Николай Вагнер, 2026

© Даниил Катков, перевод, 2026

ISBN 978-5-0069-5554-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Котя

Ты знаешь, как косой зайка скачет зимой по сугробам?

Ветерок в зимнее время злой-презлой. Он так тебя проберёт насквозь, нащиплет и нос, и уши, и щёки, что просто хоть плачь. Дует ветер, метёт, и такие сугробы везде нанесёт, что ни пройти, ни проехать. Натворит чудес и стихнет, успокоится, рад и доволен, спит-лежит. А солнышко так и засияет бриллиантиками по снегу.

И вот, в это самое тихое, солнечное времечко, косой вскочит и начнёт прыгать и бегать — обрадуется солнцу и тихой погоде. Скакнёт на сугроб и провалится, выскочит, потрёт мордочку, ушки, лапки отряхнёт, поводит усами и опять зальётся: побежит кубарем, колесом.

Прыг, скок! Прыг, скок! То-то раздолье!

Вдруг — фьют! — из-за косматой ёлки.

Зайка остановился, уши наострил, слушает: кто это свистит?

— Фьют, фьют, фьют!

— Ах, страсти какие!!!

И зайка бросился, сломя голову, уши приложил, душа в пятки ушла, катит, летит клубком и вдруг стоп! Остановился.

— Что я за дурак? — думает. — Дай посмотрю, кто свистит.

Уши наострил, приподнялся на задних лапках, вытянулся, заглянул.

— А! Это Котя!

Котя — маленький деревенский мальчишка. Его давно знает зайка. Ещё прошлым летом он всё его морковкой да репкой потчевал-угощал.

Потихоньку, полегоньку, крадучись, бочком да сторонкой подобрался к нему косой. Присел перед ним, ушками водит, а сам думает: удрать или нет?

— Что, трус? Чего боишься? Ведь я тебя не съем, — говорит Котя.

Отпрыгнул зайка и опять присел.

«Знаю, мол, что не съешь, а все оно как-то боязно!»

— Трус ты, трус! Чего трусишь? Нужно храбрым быть, никого и ничего не бояться.

— Да, толкуй больной с подлекарем, — говорит зайка. — Ты на двух ногах, а я на четырёх.

— Ну, так что ж?

— У тебя вот ушей-то не видать, а у меня вон какие! Вишь ты! — И зайка тряхнул длинными ушами.

— Ну, так что ж?

— А то ж, схватят да и съедят.

— Ах, ты дурень, дурень! Кто же серого зайца будет есть?

— Кто будет есть? Перво-наперво — собаки.

— Ну?

— Ну! А потом волки.

— А потом?

— Потом Лиса Патрикеевна.

— А там?

— А там — рысь косматая, куничка белодушка, да, пожалуй, и хорёк, и горностайка не прочь нашим мясцом поживиться... Много в лесном глухом царстве наших лютых врагов живет. А-яй! много!

— У, вы, трусы! Ну, слушай, косой, — говорит Котя, — прежде всего надо научиться храбрым быть. Хочешь, я тебя буду учить? Ничего за выучку не возьму!..

«Пожалуй, — думает зайка, — учи не учи, а проку не будет».

— Ну, подойди ближе ко мне.

Зайка скакнул раз, два и задумался.

«Да, пожалуй, — думает, — подойди к тебе, а ты как раз и того... заполучишь»...

Kitty

Do you know how the little hare hops through the snowdrifts in winter?

The winter breeze is so vicious. It'll cut right through you, sting your nose, ears, and cheeks, it'll make you want to cry. The wind blows, sweeps, and piles up such snowdrifts everywhere that you can't even walk or drive. After performing miracles, it calms down, calms down, happy and content, and lies asleep. And the sun will sparkle like diamonds on the snow.

And then, in this quiet, sunny moment, the little hare will jump up and start jumping and running — overjoyed by the sun and the calm weather. He'll jump into a snowdrift and sink into it, then jump back out, rub his face, ears, and paws, twitch his whiskers, and then start singing again: he'll run head over heels, like a wheel.

Jump, jump! Jump, hop! What a joy!

Suddenly — whoosh! — From behind the shaggy fir tree.

Bunny stopped, pricked up his ears, listening: who's whistling?

— Whoosh, whoosh, whoosh!

— Ah, what a thrill!!!

And the bunny rushed headlong, ears pressed back, his heart in his mouth, rolling, flying like a ball, and suddenly — stop! He stopped.

— What a fool am I? — he thought. — Let's see who's whistling.

He pricked up his ears, rose up on his hind legs, stretched out, and peered in.

— Ah! It's Kitty!

Kitty is a little village boy. Bunny has known him for a long time. Last summer he used to treat him to carrots and turnips. Slowly, quietly, stealthily, sideways and sideways, he approached him with his scythe. He crouched down in front of him, twitching his ears, and pondered: should he, the hare, run away or not?

— What now, coward? What are you afraid of? I won't eat you, — said Kitty.

The hare jumped back and crouched down again.

«I know you won't eat me, but it's still somehow scary!»

— You're a coward, a coward! Why are you afraid? You need to be brave, not be afraid of anyone or anything.

— You'd better talk to the doctor, — said the hare. — You're on two legs, and I'm on four.

— Well, so what?

— Your ears are barely visible, but mine are so big! Look at them! — And the hare shook his long ears.

— Well, so what?

— So they'll grab you and eat you.

— Oh, you fool, you fool! Who would eat a gray hare?

— Who? First of all, the dogs.

— And who would be next to eat?

— The next would be the wolves.

— And then who?

— Then it would be Lisa Patrikeevna (1).

— And then?

— And then — a shaggy lynx, a white-skinned marten, and perhaps even a ferret and an ermine wouldn't mind feasting on our flesh... Many fierce enemies live in this remote forest kingdom. Oh! So many!

— Oh, what cowards! Well, listen, cross-eyed, — says Kitty, — first of all, you need to learn to be brave. Do you want me to teach you? I won't take anything for teaching you!

«Perhaps, — thinks the hare, — teach me or not, it won't do any good».
— Well, come closer to me.
The bunny hopped once, twice, and then fell into thought.
«Yes, perhaps, — he thought, — if I come to you, you'll just... get me».

(1) — *Lisa means «fox» in Russian.*

Клёст (отрывок из сказки)

Ты знаешь, что все деревья страшные сони.

Как только в тихий, ясный день их пригреет солнышком, они тотчас же все раскиснут и заснут. А уж ночью — и говорить нечего! Тогда они спят как убитые во всю ивановскую.

И как же им не спать?! Ведь каждое дерево крепко-накрепко привязано корнями к земле и ни за что на свете не упадёт.

Только ветер может разбудить деревья. Как только он налетит на них — все они тотчас же проснутся, и все листки их начнут шептаться, как будто они вовсе не спали.

Такой ветер даже косматую ель разбудит, а известно уж, что нет такой сони на свете, как растрёпанная, косматая, замухрастая ель. Как начнет ветерок махать её ветками, она поневоле проснётся, а вместе с нею проснётся и всё, что живёт на ней.

Ты, верно, знаешь, слышал, что на таких елях живут клесты, — и вот об одном таком клесте я хочу рассказать тебе теперь.

Был он с большой головой и огромным носом крючком. Когда он был ещё очень маленький, то и этот нос был также маленький, хорошенький крючочек.

Клёст поедал им всё, что приносили ему папа и мама, всё, начиная от какого-нибудь крошечного червячка до крепкой еловой шишки, из которой он выбирал орешки и щёлкал их лучше всякой купчихи или купеческой дочки.

Кругом его был старый, прекрасный еловый лес, была лесная глушь, и вот среди этой глуши он вырос.

Лучшей няней для него было солнце. Когда оно с нежностью пригревало травки, кусты и деревья, то грело заодно, по пути, и его, маленького клёстика с большой головой. Притом грело оно его с такой лаской и любовью, что у него, наверное, выступили бы слёзы на глазах.

Но ты, конечно, знаешь, что клесты и все птички не могут плакать, просто потому, что у них нет платочков, чтобы утирать слёзы. Они даже носики свои утирают просто об землю или об травку.

И вот эту травку молодую, зелёную, сочную, бархатную очень любил наш клёстик; но, разумеется, он любил её тереть, когда был ещё очень маленький, а затем, когда нос его стал подрастать и сделался крепким крючком, он долбил им деревья, ломал сучки, гнул ветки, одним словом, делал множество разных гимнастических штук с целью укрепить свой клюв.

Он любил тихие летние вечера, когда солнышко ложится спать, зардевшись, как красная девушка, и его румянец стыдливо разливается по всему небу. Ему нравилось слушать, как лениво перекликались птички, мирно засыпая на ветках; ему нравился пахучий, смолистый, свободный воздух лесов.

Но всего больше ему нравились зелёные еловые шишки. Расщипать крепкую, ароматную шишку, добраться до её сочной, сладкой, смолистой мякоти и вкусных орешков — для него было истинное наслаждение.

Родился он на севере, в лесной тайге, где зимой царит и трещит злощущий-презлющий мороз.

И вот от этого мороза все клесты перелетают на зиму туда, где потеплее. Клёстик улетел вместе с другими.

А весной все птицы вернулись в старый, родной лес, туда, где прошло детство клёстика. Там ему было всё знакомо — и старые, замухрастые ели, и молодые зелёные ёлочки.

Все ему приветливо кланялись, как старому другу, и он всем кланялся, и свистел, и кричал, и чирикал изо всех сил своих маленьких лёгких.

Солнышко светило так радостно и весело; оно грело и землю, и травку, и кусты, и деревья, так что те принялись взапуски расти, цвести, зеленеть. И сколько цветов запестрело на зелёных лужайках!

Сперва выглянули подснежники, за ними втихомолочку распустились скромные фиалочки. Но на севере они ничем не пахнут — из скромности.

Они думают, что пахнуть на весь свет, чтобы все нюхали, кто хочет и кто не хочет, неприлично.

Затем расцвели всякие весенние цветочки; разумеется, все расцветали по старшинству.

Ведь у цветов строго соблюдается, чтобы ни один, который ниже по чину, не мог расцвести раньше другого, который старше его.

И вот, когда всё расцвело и зазеленело, когда солнце просто прыгало от радости по всем лужайкам, цветам и деревьям, когда все птицы, большие и маленькие, запели и засвистали на все лады, тогда у нашего клёстика сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Он, как жар-птица, блестел и сиял на солнце. Он чувствовал, что всё это хорошо, очень хорошо, а всё чего-то недоставало ему. Он ждал чего-то, а чего — и сам не знал: какого-то праздника, какой-то радости, от которой сердце его заранее трепетало и замирало.

И вот, вдруг, в тени большой развесистой ели, сквозь её сучки, перед ним мелькнула на солнце маленькая серая птичка.

— Это она! — подумал он радостно.

— Это она! — сказала ему сердце.

Это его радость, его жизнь. Это то, чего недоставало ему и чем дорога была ему самая жизнь.

Он хотел свистнуть нежно, жалобно, но горло его сжалось, как и маленькое сердце. Он подлетел к птичке; у неё был такой же нос крючком, как и у него, на ней было такое же серо-зеленоватое платье, какое он носил ещё очень маленьким.

В ней было что-то родное, милое, и он тихо-тихо проговорил дрожащим голосом:

— Милая моя, родная!

Птичка чирикнула так кротко, нежно, сердечно, что у клеста всё сердце перевернулось от радости. Он пригнул голову и пропел нежную, жалобную нотку, а вслед затем запел.

Да! Он запел старую песню, которую поют весной все те клесты, у которых молодая жизнь играет в молодом сердце, он пел ту весеннюю песню, которая вечно останется молодой, потому что не может состариться.

И все птицы слушали его, всем хотелось петь, радоваться и любить всё и всех.

В ответ на эту песню серая птичка опять нежно, грустно чирикнула и села подле клеста на ветку.

Он весь вострепнулся. Он не знал, не чувствовал, где он сидит; он видел только одну её — её, маленькую, родную, серо-зелёную птичку, и опять проговорил тихо и нежно:

— Милая моя, родная!

И они поцеловались.

Ему показалось, что все цветы и листики целуются, что все птицы смотрят на них, что солнце целует землю, и она становится тёплой, радостной под его поцелуями.

И вот не прошло и двух-трех дней, не успели они оглянуться, как уж были обвенчаны, разумеется, обвенчаны по-своему.

На свадьбу к нашей парочке слетелись все старые и молодые клесты; все пищали, свистели, судили и рядили на весь лес.

— Хорошая парочка! — говорили седые клесты.

— Славная парочка! — рассуждали старые клестихи.

И все с ожесточением долбили еловые шишки. А сам молодой был просто на седьмом небе, если только есть седьмое небо.

Он пел и сиял от восторга.

Crossbill (excerpt from a fairy tale)

You know that all trees are terrible sleepwalkers.

As soon as the sun warms them on a calm, clear day, they immediately collapse and fall asleep. Not to mention nights! During them they sleep like logs.

And how could they not sleep?! After all, every tree is firmly anchored to the ground by its roots and would never fall.

Only the wind can awaken the trees. As soon as it blows upon them, they all wake up, and all their leaves begin to whisper, as if they had never slept at all.

Such a wind would wake even a shaggy spruce, and everyone knows that there is no sleepier tree than a disheveled, shaggy and shabby spruce. As soon as a breeze begins to wave its branches, it will inevitably wake up, and with it, everything that lives on it.

You've probably heard that crossbills live in such spruce trees — and I want to tell you about one such crossbill now.

He had a large head and a huge hooked nose. When he was still very small, this nose, too, was small, a pretty little hook.

The crossbill ate everything its parents brought it, everything from the tiniest wormie to a sturdy spruce cone, from which it picked out nuts and cracked them better than any merchant's wife or daughter.

All around him was an old, beautiful spruce forest, a wilderness, and him was in this wilderness that he grew up in.

The sun was his best nurse. When it tenderly warmed the grass, bushes, and trees, it also warmed him, the little crossbill with the big head, along the way. Moreover, it warmed him with such tenderness and love that tears would probably have come to his eyes.

But you, of course, know that crossbills and all birds cannot cry, simply because they have no handkerchiefs to wipe away their tears. They even wipe their noses simply on the ground or on the grass.

And our crossbill loved this young, green, juicy, velvety grass very much; but, of course, he loved to tug at it when he was still very small, and then, when his nose began to grow and became a strong hook, he used it to peck at trees, break twigs, bend branches — in a word, he performed many different gymnastic tricks with the goal of strengthening his beak.

He loved quiet summer evenings, when the sun goes to bed, blushing like a red maiden, his blush spreading shyly across the sky. He loved listening to the lazy chirps of birds as they peacefully dozed off in the branches; he loved the fragrant, resinous, free air of the forests.

But most of all, he loved green spruce cones. Cracking open a firm, fragrant cone, reaching for its juicy, sweet, resinous flesh and delicious nuts — for him, it was a true delight.

He was born in the north, in the forested taiga, where a fierce, wicked frost reigns and crackles in winter.

And because of this frost, all the crossbills migrate to warmer places for the winter. The crossbill flew away with the others.

And in the spring, all the birds returned to the old, native forest, to the place where the crossbill had spent his childhood. Everything there was familiar to him — the old, shaggy spruce trees, and the young green fir trees.

Everyone bowed to him affably, as if he were an old friend, and he bowed to them all, and whistled, and shouted, and chirped with all the strength of his little lungs.

The sun shone so joyfully and merrily; it warmed the earth, and the grass, and the bushes, and the trees, so that they began to grow, bloom, and turn green in a race. And how many flowers were colorful on the green lawns!

First the snowdrops peeked out, followed by the modest violets, quietly blossoming. But in the north they have no scent — out of modesty.

They think that it is indecent to smell for the whole world to smell, whoever wants to and whoever doesn't.

Then all sorts of spring flowers bloomed; of course, they all bloomed in order of seniority.

After all, flowers strictly observe that no one of lower rank can bloom before another, who is older.

And then, when everything was in bloom and green, when the sun simply leaped with joy across all the meadows, flowers, and trees, when all the birds, great and small, sang and whistled in every key, then our little crossbill's heart nearly leaped out of his chest.

He, like a firebird, sparkled and shone in the sun. He felt that all this was good, very good, yet something was still missing. He was waiting for something, but he didn't know what exactly: some kind of celebration, some kind of joy that made his heart flutter and skip a beat in advance.

And then, suddenly, in the shade of a large, spreading spruce, through its branches, a small gray bird flashed before him in the sun.

— It's her! — he thought joyfully.

— It's her! — his heart told him.

This was his joy, his life. This was what he had been missing and what made life itself so precious to him.

He wanted to whistle softly, plaintively, but his throat tightened, as did his little heart. He flew up to the bird; it had the same hooked nose as his, and it wore the same gray-green dress he had worn as a little boy.

There was something yet familiar, sweet, and he whispered as quiet as a mouse in a trembling voice:

— My dear, my darling!

The bird chirped so meekly, tenderly, heartily that the crossbill's heart turned over with joy. He lowered his head and sang a tender, plaintive note, and then he began to sing.

Yes! He began to sing the old song that all those crossbills sing in spring, with their young hearts alive with youth. He sang that spring song that will forever remain young because it cannot grow old.

And all the birds listened to him; they all wanted to sing, to rejoice, and to love everything and everyone.

In response to this song, the gray bird chirped again, tenderly and sadly, and perched on a branch near the crossbill.

He perked up. He didn't know, didn't feel where he was sitting; he saw only her — her, the small, dear, gray-green bird — and again he said softly and tenderly:

— My dear, my darling!

And they kissed.

It seemed to him that all the flowers and leaves were kissing, that all the birds were looking at them, that the sun was kissing the earth, and it became warm and joyful under his kisses.

And so, not two or three days had passed, before they knew it, they were married—married, of course, in their own way.

All the crossbills, young and old, had flocked to our couple's wedding; they were all squealing, whistling, judging, and arguing throughout the forest.

— A fine couple! — said the gray crossbills.

— A fine couple! — mused the old crossbills.

And they all eagerly pecked at the spruce cones. And the young man himself was simply in seventh heaven, if there is such a thing as seventh heaven.

He sang and beamed with delight.

Чудный мальчик

Говорят, что люди прежде не смеялись оттого, что на земле тогда ничего смешного не было. Другие говорят, что сами люди были прежде умнее и понимали, что ни над чем не надо смеяться, потому что сама природа никогда ни над чем не смеётся и всё в ней, точно так же, как и в человеке, который не больше, как только частица природы, полно глубокого и великого смысла.

А кто смеётся над чем бы то ни было, тот, значит, не понимает этого смысла и видит только то, что лежит сверху у него перед глазами.

Но вот раз, в одном большом городе, случилась очень странная вещь. В ясный день вдруг, неизвестно откуда, посреди самой большой площади и даже не прямо на ней, а над ней, просто на воздухе, появился хорошенький мальчик, и как только увидели его люди, так все разом, как будто сговорились, захохотали; и нельзя было не захохотать, потому что у мальчика было такое лицо, на которое нельзя было смотреть без смеху, а между тем это лицо было очень хорошенькое.

У мальчика были отличные чёрные глазки, но такие лукавые, так они плутовски бежали из стороны в сторону, что каждого так и подмывало выкинуть какую-нибудь весёлую штучку. Рот мальчика улыбался самым предательским образом, на щеках выступали весёлые ямки, а маленький носик при этом так нахально подпрыгивал кверху, что решительно все помирали со смеху, и старый, и малый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.